

Экклезия Экклезия

Мистер Дорс, укротитель Дикого Запада

Эклессия Эклессия

Мистер Дорс, укротитель Дикого Запада

<https://litres.ru/74288469>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мистер Дорс — укротитель Дикого Запада: добрый авантюрист с чужинкой. В прериях он то и дело попадает в переделки, но всякий раз оборачивает их во благо — разоблачает мошенников, помогает тем, кто в беде, и находит общий язык даже с самыми суровыми вождями. С ним хаос становится порядком.

Содержание

Глава 1	4
Тихий мальчишка выросший в беспокойного героя	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эклессия Эклессия

Мистер Дорс, укротитель Дикого Запада

Глава 1

Тихий мальчишка выросший в беспокойного героя

Говорят, Дорс родился в тот день, когда гроза решила, что одного раската мало, и устроила на небе целый парад молний. И будто с той самой минуты мир понял: этот ребёнок не будет сидеть смирно. Он выглядел так, будто его собирали из случайных, но удивительно подходящих друг другу деталей. Ростом он был чуть выше среднего, но из-за размашистых жестов и привычки широко расставлять ноги казался крупнее. Плечи у него были широкие, жилистые — сказывались годы, когда он то помогал на ранчо, то таскал ящики в портовых складах, то просто попадал в такие передряги, где без крепких плеч не обойтись. Его лицо — загорелое, с сеткой мелких морщин у глаз: он много смеялся и шутил.

ся на солнце. На левой щеке белел тонкий шрам — след от случайной искры из кузнечного горна в юности; сам Дорс рассказывал про него три разные истории, и ни одна не повторялась дважды. Глаза у него были светлокарие, почти янтарные, и в них всегда плясали искорки, будто внутри него постоянно затевалась какаято новая шалость. А волосы тёмные, слегка вьющиеся, были вечно растрёпанные, как будто он только что выбрался из седла после долгой скачки или пытался надеть шляпу на мокрую голову. Чаще всего волосы прятались под той самой отцовской шляпой: поношенной, с обтрёпанными полями, но с гордой осанкой, как у ветерана всех дорог. Одежда практичная и разнородная, будто собранная по принципу «что не порвалось и не потерялось». Потёртые кожаные штаны, рубашка из грубой ткани, которую он никогда не застёгивал до конца, и старый жилет с кучей карманов — в них умещалось всё: от огрызка карандаша до сушёного яблока, от странного камешка «на удачу» до сложенной вчетверо карты, которую он всё никак не мог правильно развернуть. На поясе — небольшая кобура и ножны; носил он их не для устрашения, а скорее по привычке: на Диком Западе лучше иметь, чем потом жалеть, что не имеешь. Сапоги мистера Дорса крепкие, с заметной потёртостью на носках: он вечно на чтонибудь натыкался, когда шёл, задумавшись. И ещё они слегка скрипели при ходьбе — этот скрип в некоторых городках узнавали раньше, чем самого Дорса. Он дышал движением. Ему становилось физически

неуютно, если день тянулся ровно, без сюрпризов. Он любил моменты, когда мир будто спотыкался о собственную предсказуемость — и тогда Дорс радостно подхватывал его, чтобы не дать упасть окончательно, а вместо этого раскрутить в весёлом вихре. Ему нравились находить выход там, где все видели тупик. Не ради того, чтобы доказать, что он умнее, а потому что сам процесс поиска обходной тропы был для него как глоток свежего воздуха. Дорс искренне верил, что хорошая история стоит дороже монеты. Он с удовольствием слушал чужие рассказы, а потом пересказывал их, добавляя пару деталей, которые делали историю ещё живее. И не считал это враньём — скорее, реставрацией: мол, некоторые истории без прикрас просто не держатся на ногах. Он легко находил общий язык с упрямыми кузнецами, ворчливыми барменами и даже с теми, кто поначалу смотрел на него с подозрением. Ему нравилось, когда человек не сдаётся и не сглаживает углы — в таких людях он видел родственные души. Дорс мог полчаса стоять и смотреть, как ветер гоняет по улице сухую травинку, или замороженно наблюдать, как капля воды стекает по краю жестяной кружки. Для него в этих мелочах пряталась настоящая магия — та, что не требует заклинаний, а просто просит немного внимания. Он терпеть не мог расписания и жёстких планов. Если ему говорили: «Иди прямо», он почти наверняка сворачивал налево — не из упрямства, а из любопытства: а что там? Ему было важно знать, что в любой момент он может сменить дорогу,

если она перестанет его радовать. Больше всего Дорс ценил моменты, когда тяжёлый день вдруг становился легче от одной удачной шутки. Он считал, что смех — это своего рода смазка для мира: когда всё начинает скрипеть от напряжения, пара хороших смешков помогает механизмам снова крутиться. А ещё он любил запах прерии после дождя, горячий кофе на рассвете и ощущение, когда ветер бьёт в лицо, будто мир кричит: «Ну что, готов к новому дню?» И Дорс всегда отвечал: «Ещё как!» — и шагал вперёд, оставляя за собой не только скрип сапог, но и шлейф историй, которые потом долго пересказывали у костров.

Глава 2

Глава 2

Жизнь манит быть свободным

Дорс рос в маленьком поселении у подножия Скалистых гор, где жизнь текла размеренно, как медленная река: утром — работа, днём — тишина, вечером — разговоры у костра. Его отец был кузнецом — человеком основательным, молчаливым, который верил, что характер закаляется в тишине и труде. Он хотел, чтобы сын перенял его ремесло: держал молот, слушал, как поёт металл, и учился видеть в каждой вещи её суть.

А Дорс... Дорс видел в вещах не суть, а возможности.

Ещё мальчишкой он умудрился превратить отцовский наковальню в «музыкальный инструмент»: приладил к ней жестяные банки и верёвки и устроил концерт, от которого у соседей кошки прятались под лавки, а отец только вздыхал и потирал лоб.

— Ты хоть понимаешь, что это рабочий инструмент, а не игрушка? — говорил он строго.

— А если это и то, и другое? — отвечал Дорс с такой обезоруживающей улыбкой, что сердиться на него было почти невозможно.

Именно тогда у него и выработалась эта манера: не ломать ради разрушения, а искать в привычном новое применение.

Иногда удачно, иногда... не очень.

Однажды он решил, что лошади будут бежать быстрее, если им шептать не «тпру», а стихи. Стихи были плохие, лошади не впечатлились, зато кучер потом рассказывал эту историю так, будто это был заговор. А Дорс только пожимал плечами:

— Ну, я же хотел как лучше.

Переломным моментом стал случай с починкой старой мельницы. Отец поручил ему простую работу: подкрутить болты, проверить крепления. Дорс честно старался быть серьёзным. Но мельничное колесо никак не хотело крутиться, будто само сопротивлялось скуке. И тогда Дорс сделал то, что умел лучше всего: добавил немного хаоса. Он приладил к колесу несколько деревянных лопаток, чтобы они щёлкали при вращении, и подсыпал в механизм щепотку песка — не чтобы сломать, а чтобы услышать, как оно «заговорит».

Мельница не заговорила. Она взвыла, затряслась и на несколько секунд превратилась в нечто среднее между барабаном и ураганом. Крыша сарая едва устояла. Отец тогда не кричал — он смотрел на Дорса так, будто пытался разглядеть в нём того самого тихого мальчика, которого когда-то качал на руках.

— Зачем? — только и спросил он.

— Чтобы стало интереснее, — просто ответил Дорс.

После этого отец понял: сын не станет кузнецом. Не потому что не способен, а потому что его тянет туда, где есть

движение, риск, неожиданность. И однажды, когда Дорсу исполнилось шестнадцать, он положил перед ним старую отцовскую шляпу и сказал:

— В ней ты будешь выглядеть старше. И, может быть, хоть немного солиднее.

Дорс надел шляпу, улыбнулся и ушёл. Не сбежал — именно ушёл, с лёгким сердцем и без тяжёлых прощаний. Он не хотел причинять боль, просто знал: его дорога лежит туда, где мир не застыл, где каждый день — это новая загадка, которую можно решить... или хотя бы весело перепутать.

С тех пор он кочевал по Дикому Западу, оставляя после себя истории, которые со временем обрастали новыми деталями. Где-то говорили, что он обманул самого медведя, предложив ему «более сладкий мёд» в соседней долине. Где-то клялись, что видели, как он убедил упрямого мула не только везти груз, но и «кивать в такт разговору».

Но правда была проще и сложнее одновременно: Дорс просто не умел жить по правилам, которые ему не нравились. Он не искал неприятностей — они сами находили его, потому что он шёл туда, куда другие боялись ступить. А когда неприятности настигали, он встречал их не кулаками, а выдумкой. И часто именно эта выдумка спасала его и тех, кто оказывался рядом.

Так и вышло, что в каждом городке, где появлялся Дорс, жизнь на время становилась громче, ярче, беспокойнее. Кто-то ворчал, кто-то смеялся, а кто-то потом с гордостью

говорил:

— Да, у нас тут был Дорс. После него всё стало как-то... живее.

И в этом, пожалуй, и была его главная сила: он не пытался переделать мир по своему образу и подобию. Он просто напоминал ему, что стоять на месте — скучно, а двигаться вперёд можно не только по прямой, но и зигзагами, петлями, а иногда и кувырком.

Вот такой он, Дорс — не злодей и не герой, а тот самый человек, который входит в город, чтобы встряхнуть тишину и оставить после себя не разрушения, а истории.

И, возможно, одну старую шляпу, которая где-то до сих пор лежит на полке у кого-нибудь в салуне — как напоминание о том, что иногда лучший способ помочь миру — это не дать ему уснуть.

Глава 3

Глава 3

История одного авантюрного рейса

Солнце клонилось к закату, и тень от шляпы Дорса легла поперёк пыльной улицы так, будто сама прерия хотела подчеркнуть: сейчас начнётся история.

Дорс был из тех людей, рядом с которыми тишина не задерживалась дольше пяти минут. Он не искал славы, но слава сама прилипала к нему, как репей к сапогу. Про него говорили: «Если в округе стало шумно — значит, где-то рядом Дорс».

В Серебряной Балке всё шло своим чередом: шериф зевал, мэр считал монеты, кузнец стучал по железу, будто пытался выбить из него смысл жизни. Городок застыл, как муха в янтаре. И тут появился Дорс.

Он не стал объявлять о себе выстрелами в воздух — это было бы слишком банально. Вместо этого он зашёл в салун, заказал стакан воды, чем уже вызвал переполох: здесь воду пили только лошади, и спокойно сказал бармену:

— У вас тут скучно. Я это исправлю.

Бармен хмыкнул:

— Мы не заказывали исправлений.

— А я не спрашивал, заказывали ли вы, — улыбнулся Дорс.

И началось.

Сначала он поспорил с мэром, что сможет заставить часы на ратуше идти быстрее. Спорили на пирог.

Дорс не стал возиться с шестерёнками — он просто стал каждый час громко кричать «Тик-так!» с разных концов улицы. Горожане начали невольно поглядывать на часы, чтобы проверить, не сошёл ли с ума этот чудака, и в итоге стали замечать время. Часы будто сами собой стали казаться точнее. Пирог Дорс не получил — мэр заявил, что это «нечестный метод», но все в городе теперь знали, сколько времени.

Потом он взялся за дилижанс. Кучер жаловался, что лошади устали. Дорс решил проблему нестандартно: подсыпал им в кормушку щепотку перца. Лошади не просто взбодрились — они рванули так, будто за ними гнался сам дьявол. Дилижанс промчался мимо города, снеся по пути старые ворота, которые и так держались на честном слове, и умчался в каньон.

Теперь перед Серебряной Балкой встала проблема: почта не дойдёт, пассажиры не приедут, а виноватым, разумеется, оказался Дорс. Шериф уже потирал кобуру, мэр топал ногами, а горожане смотрели на Дорса так, будто он лично отменил рассвет.

Но Дорс не был бы собой, если бы не умел выпутываться из передраг — да ещё так, что в итоге все начинали думать, будто так и было задумано.

— Ладно, — сказал Дорс, когда толпа собралась у салуна,

чтобы решить его судьбу. — Я это устроил — я это и исправлю. Но мне понадобится помощь... и немного терпения.

Терпения ему, конечно, никто не дал. Зато дали мулов — угрюмых, упрямых, зато не склонных к безумным рывкам. Дорс запряг их в дилижанс, сел на козлы и объявил:

— Держитесь крепче. Сейчас будет не быстро, зато спокойно.

И они поехали. По дороге случилось немало: шляпа Дорса улетела в реку и нашлась в гнезде орла, а он смотрел на Дорса с подозрением, будто подозревал, что тот задумал и его куда-нибудь запрячь. Медведь вышел на тропу, но Дорс так убедительно рассказал ему о преимуществах мёда в соседней долине, что медведь развернулся и ушёл. Даже скалы, казалось, чуть расступались, когда дилижанс под управлением Дорса катился мимо — будто даже природа решила: с этим парнем лучше не спорить.

Когда они наконец добрались до соседнего города, почта была на месте, пассажиры — целы, а Дорс... исчез. На сиденье осталась только записка: «Спасибо за гостеприимство. И за урок: иногда лучший способ помочь — это не мешать».

В Серебряной Балке долго ещё вспоминали Дорса. Кто-то ворчал, кто-то смеялся, а кто-то тайком добавлял в рассказы новые детали — ведь на Диком Западе хорошая история ценится дороже золота.

А часы на ратуше теперь тикали чётко и бодро, будто запомнили ритм его голоса. И каждый раз, когда кто-то гово-

рил: «У нас тут скучно», староста усмехался и отвечал:
— Пусть лучше будет шумно. Зато не застынем.

Так Дорс встряхнул Серебряную Балку — не силой, не оружием, а своей неугомонностью, умением видеть выход там, где другие видели тупик, и способностью превращать хаос в движение.

Ведь иногда именно тот, кто всё ломает, помогает миру снова начать жить.

Глава 4

Глава 4

Братья по несчастью или охота на Дорса

После истории с дилижансом и мулами о Дорсе заговорили не только в Серебряной Балке. И не только хорошее.

На Диком Западе слухи разносятся быстрее, чем степной пожар. Кто-то где-то приукрасил: мол, Дорс не просто перец лошадям подсыпал, а целый заговор устроил, чтобы сорвать почтовую доставку и заодно подорвать авторитет мэра. А где слухи — там и те, кто готов на них заработать.

Трое, известных в округе как «Братья по несчастью», потому что несчастья они приносили всем, кроме самих себя. Решили, что за поимку Дорса можно срубить неплохую награду. Да и просто хотелось им славы: поймать самого беспокойного гостя Дикого Запада, связать, привести шерифу и сказать: «Вот, мы навели порядок».

Они выследили Дорса на окраине городка, у пересохшего ручья, где он как раз пытался научить старого пса делать «кувырок за сухарь». Пёс не очень хотел, но Дорс был убедителен.

— Ну давай, ещё разок! — умолял он, размахивая сухарем. — Это же так просто: перекатываешься, я тебе даю вкусняшку, все смотрят и говорят: «Вот это пёс!»

Пёс смотрел на него с сомнением, будто понимал, что в

этой схеме где-то подвох.

И тут из-за валунов вышли «Братья по несчастью». Старший, по кличке Каменный Лоб и не только из-за характера, шагнул вперёд и пробасил:

— Дорс, ты арестован... ну, почти. Мы тебя свяжем и к шерифу отведём. Так что не дёргайся.

Дорс медленно опустил сухарь, посмотрел на троицу, потом на пса, потом снова на троицу — и вдруг расплылся в улыбке:

— О, гости! А я как раз собирался чай ставить. У меня тут кипяток, правда, без чайника... Но мы можем просто на камни лить — пусть шипят, это тоже атмосфера.

Каменный Лоб нахмурился:

— Мы не пить пришли. Мы пришли тебя брать.

— А, это, — Дорс легкомысленно махнул рукой. — Знаете, я тут подумал: если меня брать, то лучше с историей. Иначе шериф скажет: «Ну привели, молодцы, а где приключение?» Давайте хоть какой-то сюжет сделаем.

Братья переглянулись. Они не привыкли к тому, чтобы жертва предлагала сценарий.

— Никаких сюжетов, — рявкнул Каменный Лоб. — Руки вверх!

— Руки вверх — это скучно, — возразил Дорс. — А если я вам покажу, где спрятан тайный родник? Говорят, вода там такая чистая, что даже совесть после неё становится прозрачнее.

— Нам не нужна вода! — зашипел второй головорез, Щуплый, хотя он был вовсе не щуплый, а скорее квадратный. — Нам нужна награда!

— А награда будет больше, если вы принесёте не просто меня, а меня и доказательство, что я опасный преступник, — хитро подмигнул Дорс. — Например, старую карту сокровищ. Она у меня в сапоге. Ну, не в этом, в другом... Где-то.

Третий головорез, Молчаливый наконец подал голос:

— Хватит болтать. Вяжи его.

И они бросились на Дорса.

Но тут Дорс сделал то, что умел лучше всего: он не стал драться. Он просто... исчез.

То есть не совсем исчез — он нырнул за валун, перекатился, схватил горсть сухой травы и швырнул её в сторону. Трава взметнулась пыльным облаком, и в этом облаке Дорс будто растворился.

— Где он?! — закричал Каменный Лоб, кашляя.

— Тут! — раздалось сверху.

Они задрали головы. Дорс сидел на вершине валуна, болтая ногами, как мальчишка.

— Вы знаете, что самое смешное? — спросил он, улыбаясь. — Вы сами меня сюда загнали. А с этой точки отлично видно, как к ручью едет шериф. Видимо, слухи дошли и до него.

Шериф действительно ехал — неторопливо, вразвалку, будто знал, что без него тут ничего серьёзного не случится.

— Эй, шериф! — крикнул Дорс, помахав рукой. — Тут трое джентльменов хотят вам кое-что рассказать! Говорят, они меня ловили. Может, даже наградят их за старания.

Горе-ловцы побледнели.

— Это не то, что вы думаете! — закричал Щуплый.

— Мы просто... разговаривали! — добавил Молчаливый, что прозвучало особенно подозрительно, учитывая его прозвище.

— Разговаривали? — переспросил шериф, подъезжая и прищуриваясь. — И поэтому у вас руки на кобурах, а у Дорса вид такой, будто он только что выиграл в прятки?

Дорс спрыгнул с валуна, отряхнул штаны и вежливо поклонился:

— Шериф, я тут ни при чём. Эти господа сами пришли. И, кажется, у них есть что вам рассказать. Например, про свои «подвиги» в соседней округе. Я слышал, они там мельницу пытались «починить».

Каменный Лоб зарычал:

— Ты всё подстроил!

— Подстроил? — удивился Дорс. — Да я просто стоял и сухарик псу показывал. А вы сами всё усложнили.

Шериф вздохнул, как человек, который уже привык, что спокойствие в его округе — это роскошь:

— Ладно. Вы трое — со мной. Расскажите, зачем сюда явились. И про мельницу тоже.

Братьев по несчастью связали, на этот раз по-настоящему

и повели в город. А Дорс шёл рядом, насвистывая весёлую мелодию, и время от времени подбадривал их:

— Не переживайте! В тюрьме кормят. И, главное, там точно не придётся бегать за лошадьми, которые наелись перца.

Когда они вошли в город, мэр только покачал головой:

— Опять ты, Дорс.

— Я не «опять», — возразил Дорс. — Я «снова». Это разные вещи. «Опять» — это когда делаешь одно и то же. А «снова» — это когда каждый раз получается по-новому.

В тот вечер в салуне только и разговоров было что о том, как Дорс не только выкрутился, но ещё и головорезов шерифу сдал — да так, что выглядело это не как донос, а как дружеская услуга.

А пёс, которому так и не достался сухарь за кувырок, смотрел на Дорса с уважением. Будто понял: этот человек умеет делать так, что даже неприятности становятся приключением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.